

Виктор Аксютин

ПРАВОСЛАВНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ НАРОДА

Крещение в православие славянских народов стало возможно благодаря просветителям — равноапостольным Кириллу и Мефодию, создавшим церковнославянский язык. Это явление уникально — на грани с чудом. При современных технологиях невозможно представить, как можно было создать и широко внедрить новую грамматику и язык за кратчайший срок. Но невозможное человеку возможно Богу — это было богочеловеческое деяние.

Чудесная провиденциальность этого явления сказывается и в том, что нецивилизованные племена получили совершенный язык и письменность, являющиеся носителями высоких духовных смыслов. Просветители тонко и деликатно сумели привить к неразвитым образам македонского наречия южнославянского языка высокие понятия и категории. Так, язычники-славяне имели представление о том, что жизнь человека кончается с его по-

следним вздохом, когда исходит его дух. На обыденное представление «вздох — дух» органично насаждается высокое представление «дух — душа». Поэтому церковнославянский язык, оказавшийся вместилищем и носителем космоса античных и христианских смыслов, был органично воспринят восточными славянами как родной, и его освоение прошло за короткие сроки. Помимо этого, славянский язык по структуре, грамматике и принципам словообразования ближе к греческому, чем латинский. Высокая языковая культура Византии — культура христианского эллинизма — органично вошла в восточнославянскую почву. Церковнославянский язык стал одним из трёх — наряду с греческим и латинским — письменных и богослужебных языков средневекового христианства. Русский народ, в отличие от многих европейских народов, изначально получил возможность чтения Священного Писания на родном языке, что имело

огромные последствия в формировании национального сознания: «Если правда, что русский народ глубже принял в себя и вернее сохранил образ Христа, чем всякий другой народ... то, конечно, этим он прежде всего обязан славянскому Евангелию» (*Г.П. Федотов*).

Киевская Русь была одной из последних стран, принявших христианство от Византии, но это была самая крупная страна. Как правило, в православии обращались народы, присоединяемые к империи, но Русь политически никогда не подчинялась Византии. В то же время культурное влияние Константинополя было большим, чем на некоторые имперские области. Крещение Руси произошло тогда, когда Византия переживала расцвет философской и богословской мысли. К этому времени закончились века богословских споров, в течение которых был разработан грандиозный объём богословско-философских категорий, понятий, представлений. Вместе со Священным Писанием Русь получила доступ и к духовному богатству христианства. «Своя письменность позволила славянам перевести на родной язык книги, напитанные духом мудрости, содержащие сакральные истины, до того времени передававшиеся только на греческом, еврейском и латинском языках. Присоединение к ним ещё и славянского — а по агиографическому преданию славянские буквы

«открыл» Константину сам Бог — включало славян в их собственном представлении в группу избранных народов, которым доверена божественная мудрость. Теперь и они могли «досыти насладь» (досыта наслаждаться), по выражению агиографа, «медвенна сладости словесы святых книг» (*В.В. Бычков*).

Князь Владимир строил прекрасные православные храмы, вводил великолепие византийских обрядов и служб. «Христианство сделалось для святого Владимира источником духовного света, озарившего не только его сердце, но и ум. Любовь к «книжным словесам» и данный им наказ «примати нарочитое у чади и даяти на учение книжное» священникам, которые должны были воспользоваться школою для утверждения новопросвещённых людей в вере, сделали его истинным отцом русского просвещения и родоначальником всей нашей духовной культуры, которая при самом своём зарождении была глубоко напоена духом православия. Последнее оплодотворило самые её корни и не перестало питать во все последующие века» (*митр. Анастасий Грибановский*).

При сыне князя Владимира Ярославе Мудром из Византии приезжает большое количество учёных-богословов. Православие приобщало русских людей к богатейшей традиции богословско-философского постижения бытия и смысла жиз-

ПРОСВЕЩЕНИЕ

ни: «Для тогдашних христиан (времен арианства) «богословие было действительно делом жизни, духовным подвигом, исповеданием веры, творческим разрешением жизненных задач» (о. Григорий Флоровский)... Споря как будто о словах и определениях, участники споров на деле защищали и отстаивали именно жизненное, теперь бы сказали «практическое», или «экзистенциальное», значение христианства, заключённое в слове «спасение». Ведь спасение это не магическое, извне совершающееся действие, оно зависит от целостности восприятия и усвоения человеком Божественного дара. А тогда богословие, то есть уразумение, выражение, исповедание истины в словах, раскрывается как высшее, царское призвание человека, в нём восстанавливается причастность человека Божественному смыслу, первородство его как разумной личности в мире. Богословие есть раскрытие в понятиях разума — веры Церкви, не проверка её разумом и не подчинение ему, а, напротив, расширение самого разума до откровения, согласование его с истиной, очевидной вере. Вера прежде богословия, и только потому и можно говорить о богословском развитии как о постепенном восприятии полной веры... Нелегко было найти слова для выражения веры, и потребовались века, чтоб переплавить в духе

христианства саму мысль» (прот. Александр Шмеман). Духовные сокровища, выплавленные в горниле патристической мысли, благодатно изливались в русскую душу.

Церковнославянский язык определил форму и содержание русского мышления, литературы и философии. «Если правда, что русский язык — гениальный язык, обладающий неисчерпаемыми художественными возможностями, то это потому, что на нём, и только на нём, говорил и молился русский народ, не сбиваясь на чужую речь и в нём самом, в языке этом (распавшемся на единый церковнославянский и на многие народно-русские говоры), находя огромные лексические богатства для выражения всех оттенков стиля («высокого», «среднего» и «подлого») (Г.П. Федотов). Наш язык несёт древние пласты, которые расширяют и обогащают сознание, из которых, при необходимости, черпаются новые словообразования: «Современный русский литературный язык получился в результате прививки старого культурного «садового растения» — церковнославянского языка — к «дичку» разговорного языка правящих классов русского государства. Русский литературный язык, в конечном счёте, является прямым преемником староцерковнославянского языка, созданного св. славянскими первоучителями... Благодаря органическому слиянию в русском литера-

турном языке церковнославянской стихии с великорусской — словарь русского языка необычайно богат. Богатство это заключается именно в оттенках значения слов... стилистических типах и оттенках... совершенной технике образования «новых слов»... Сопряжение великорусской стихии с церковнославянской сделало русский литературный язык совершеннейшим орудием как теоретической мысли, так и художественного творчества... Русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции стоит, по-видимому, действительно особняком среди литературных языков земного шара... Будучи модернизированной и обрусевшей формой церковно-славянского языка, русский литературный язык является единственным прямым преемником общеславянской литературно-языковой традиции, ведущей своё начало от святых первоучителей славянских, т.е. от конца эпохи праславянского единства... Унаследовала Россия традицию византийской культуры и хранила её даже после гибели Византии... унаследовала Россия и церковно-славянскую литературно-языковую традицию и хранила её, в то время как гибли один за другим древние центры и очаги этой традиции» (*Н.С. Трубецкой*).

После крещения в свете Божественного откровения беспредельно раздвинулись горизонты мировоз-

зрения русского народа, наполнилось новым содержанием издавна известное. «Всматриваясь как бы в только что открывшийся ему мир — в природу, в историю, в общество, в самого человека и в творение рук его, — древний русич прежде всего переживает всё это эмоционально-эстетически — он радуется, изумляется, удивляется, скорбит, страшится, восхищается. В этих эмоциональных реакциях на мир, зафиксированных древними книжниками, и выявляется комплекс его эстетических представлений... Вчитываясь в тексты древнерусских авторов, мы замечаем интересную особенность общественного сознания того времени. Многие явления, связанные, так или иначе, с новой религией, вызывали у древних русичей, принявших её, светлую радость, особое ликование. Упоная на обещанную грядущую райскую жизнь, человек Древней Руси уже в этой жизни испытывал наслаждение от всего лишь указывавшего ему на блаженство «будущего века». А таковыми для него выступали новая вера во всех её проявлениях и — шире — вся сфера духовности, в которую Русь окунулась, приняв христианство» (*В.В. Бычков*). Приобщение к прекрасной сфере духа наполняло радостью жизнеощущение русских людей (послы князя Владимира в соборе Святой Софии в Царьграде) и пленило русскую душу, что было мощным стимулом быстрого взлета культуры Киевской Руси.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

В.В. Бычков отмечал важную особенность в православном просвещении восточных славян. Первоначально христианство распространялось в эллинистическом и ближневосточном мире, с многовековыми философско-религиозными традициями, в которых господствовали представления, уничижающие материальную сторону бытия как низшую и греховную, тело рассматривалось как темница души. В противоположность крайнему спиритуализму античности раннехристианские богословы утверждали нерасчленимое единство в человеке духовного и материального начал, оправдывали материальную сторону бытия и человеческое тело. По христианским представлениям, греховна не плоть, а плотские страсти и вожеления души. Иная ситуация была в славянском мире: «Перекокс был не в сторону духовности, как в позднеантичной философско-религиозной культуре, а в направлении грубой материальности. Молодые в культурном отношении славянские народы впервые приобщились к высотам средиземноморских духовных культур через христианство. И откровением для них в сложной христианской диалектике духа и тела была не «телесность», в которой они постоянно пребывали, а духовность. Именно духовное начало в человеке явилось тем принципиально новым знанием, которое так поразило и увлек-

ло лучшие славянские умы» (В.В. Бычков). Славянское умозрение прониклось христианскими представлениями об освящении твари, преобразении плоти.

Знаменательно, что первый просветитель славян, Константин Кирилл, был философом, почему назывался в жизнеописаниях Константином-философом. Известно его определение философии: «Богам и чловекам вешем разум (знание) елико может человек приблизитися бозе, яко детелию (делами) учить человека по образу и по подобию быти сытворшему его». Ориентация ума на преобразование жизни и спасение души, а не только на теоретическое познание является важнейшей характеристикой традиции христианского эллинизма, которую органично восприняла Русь. «В определении Константина закреплено то синтетическое понимание философии, которое на протяжении веков вырабатывалось византийской философской мыслью на основе античных и христианских традиций. Античной, сугубо умозрительной (созерцательной) философии («знание вещей божественных и человеческих») первые христианские философы противопоставили философию «практическую», философию реального «дела» совершенствования и спасения человека на путях религиозной практики... Философия, по определению Константина, — это знание, кото-

рое учит человека делами своими стремиться к совершенству, к идеалу, который христианская мысль ещё с патристического времени выразила в формуле «богоподобия», восстановления утраченного первочеловеком совершенства. Таким образом, славянский мир уже у истоков своего существования воспринял понимание философии как единства знания и дела, теории и практики; как единства античного и христианского духовных начал» (В.В. Бычков).

Русское мировоззрение зарождалось как органичная цельность. «Если Европа приняла эстафету христианства из рук падающей Западной Римской империи и за десять-одиннадцать веков саморазвития пришла к идее гуманизма, то Русь почти пять веков оставалась под духовным патронатом живой и всё ещё могущественной Восточной Римской империи. Гуманизм породил европейское Возрождение, исихазм на русской почве — этический и общественный идеал святости» (А.Б. Горянин). Православие (в отличие от западноримского христианства) ориентирует русского человека на внутреннее совершенствование, а не на внешнюю деятельность, при этом умственная работа не сводится к рационализации, а является актом целостного созерцания. В этой созерцательной углублённости большую роль играли ху-

дожественная интуиция, образное мышление, эстетическое и нравственное чувство гармонии, меры и благообразия (в чём сказывалось влияние платоновской традиции). Древнерусский человек испытывал неприязнь к абстрактному рациональному мышлению, хотя изъяснялся последовательно и лаконично. Малословный ум — не значит неразумный, не обладающий логосом. Молчаливый, созерцательно-сосредоточенный русский ум столетиями продумывал глубинные проблемы бытия, и когда заговорил в полный голос, то не догонял и не повторял беглый и прагматичный европейский ум, а сказал новое слово миру — в русской литературе XIX века и философии XX века. Ныне русскому умозрению предстоит сказать вещие слова человечеству.

Через сто лет после крещения Русь стала христиански просвещённой страной, в которой было множество храмов и монастырей, имелись сословие учёного духовенства и грамотная аристократия. «Из варварской страны на краю света вдруг появилась держава с мировой культурой, мировой религией, и сразу это было ознаменовано расцветом древнерусской культуры... Русь сразу становится мировой державой, а Киев — соперником Константинополя» (С.С. Аверинцев). Русь стала книжной страной при святом Владимире. Через четверть века после

ПРОСВЕЩЕНИЕ

его кончины появляется шедевр русской литературы — «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «которое по уровню ораторского мастерства сделало бы честь Василию Великому и Иоанну Златоусту» (А.М. Панченко). Для восприятия огромного богатства, которое через церковнославянский язык было передано славянским племенам, требовались века ученичества, освоения византийского наследия и выражения его в национальных формах. Это был период накопления духовных сил, выражения творческого духа в разнообразных, нерациональных сферах.

Русское созерцание веками впитывало новую для него православную духовность и причащалось ей. Обретенные духовные ценности глубоко переживались, передавались от поколения к поколению носителями духовной энергии — православными подвижниками, но слабо выражались вербально. Какое-то время русскому человеку достаточно было радостно переживать новый духовный космос. Многие смыслы, которые имели в византийской культуре абстрактное богословское выражение, переживались русским человеком экзистенциально и персоналистично. «Если попытаться описать подобное эмоциональное состояние... оно складывается из одновременного переживания возвышенного и трагического, смягченного чувством про-

светленного умиления. Это сложное эмоционально-эстетическое переживание, которому сами средневековые люди не нашли словесного обозначения, а современной науке его трудно обозначить, так как оно редко встречается в эмоциональной жизни людей XX века. Для средневекового человека оно было достаточно регулярным. Он переживал его не только при посещении святых мест (что было уделом лишь единиц), но и на любой литургии, в процессе которой повторялась мистерия страстей Христовых, и особенно в дни Великого поста, в праздники и в дни памяти христианских мучеников. Более того, созерцание икон и храмовых изображений страстей и распятия Христа и изображений сцен мученичества древних праведников вызывало у древнерусского человека именно это сложное и трудно описуемое чувство возвышенно-трагического умиления» (В.В. Бычков).

Огромное воздействие на русскую религиозность оказало византийское богослужение. «По сравнению с литературой греческая литургия была более мощным, всеохватывающим и устойчивым средством религиозного воспитания. Ничто так не формирует и не преобразует личность, как молитва. Через литургическую молитву на славянском языке греческая религиозная мысль и чувствования оказали огромное влия-

ние на русскую душу. Восточная литургия — самое прекрасное и оригинальное создание византийской культуры. Поэтому она и стала основным средством распространения византизма на Руси» (Г.П. Федотов). При этом через византийские культовые формы на Русь передавались более древние культурные пласты: «Древняя Церковь была наследницей культа, как синагоги, так и эллинистических мистерий. Из синагоги пришли и навсегда остались молитвенные псалмопения и чтения Священного Писания; из эллинизма — словесная форма мистерий и символических действий... Поэтическая структура византийской гимнологии представляет собой органическое сплетение еврейских и греческих художественных форм. Псалмы и Гомер (наряду с другими классическими поэтами) служили общим источником образов и риторических приёмов. Доминирующим фактором была, однако, греческая мысль, ясно проступающая в логическом построении и в богословских формулах, вводимых даже в лирические периоды» (Г.П. Федотов).

Православное богослужение имело на Руси всеопределяющее значение — не только в религиозной жизни, но и в культуре, в бытовой жизни, в формировании мировоззрения. «Известно, что литургический вариант Священного Пи-

сания изначально доминирует в русской традиции над его книжным текстом. Освоение Нового и Ветхого Завета для русского православного человека совершалось не столько посредством индивидуального чтения духовных произведений (хотя этот фактор переоценить невозможно), сколько как раз личным участием в православном соборном богослужении, которое сформировало особую поведенческую структуру, особый православный менталитет. Наличествуя в качестве архетипа, этот менталитет и отразился в литературных текстах художественных произведений даже тех русских авторов, которые биографически могли и не принимать (на уровне рационального осмысления, обращаясь к письменным книжным источникам) те или иные стороны христианского вероисповедания» (И.А. Есаулов).

Священное Писание и богослужebная литература имели не только культовую роль, воздействовали на все стороны жизни. «Степень влияния Православия на массовое религиозное сознание невозможно изучать без учёта столь важного источника, как богослужebный текст. Ведь основные идеи, базирующиеся на догматах и положениях православного вероучения, так же как государственные, патриотические и другие, разрабатывались, формулировались, дошли до нас и, как правило, изучаются по агио-

ПРОСВЕЩЕНИЕ

графическим, юридическим, литературным, учительным или полемическим произведениям своего времени. Однако во все века, когда складывалось религиозное сознание российских народов, вышеназванные идеи и положения доводились до массового сознания через богослужебные тексты. Молитвенное общение с Господом было и остаётся величайшим долгом и величайшим счастьем любого христианина. Церковь, как дом Божий на земле, обеспечивает возможность повсеместного уставного общественного богослужения и условия для каждого индивидуального и коллективного субъекта совершения богослужения на потребу. Человек как правомочный член семьи, признанной обществом, обладающий правами и обязанностями член этого общества и подданный государства, мог стать таковым только как воцерковленный член Русской Православной церкви. Поэтому каждый существенный этап в жизни личности и вся повседневная жизнь с её обязанностями, радостями и горестями совершались, освящались и социализировались путём обязательного общественного или частного богослужения, специальные тексты которого охватывали буквально все случаи жизни личности и коллектива» (И.В. Поздеева).

Русская душа не только ученически воспринимала новые для неё

духовные смыслы, но и углубляла воспринятые представления, иногда корректируя их в сторону большего соответствия евангельскому благовестию. Так, византийскому мировоззрению был присущ определённый религиозный дуализм, который не сумел до конца органично синтезировать наследие иудаизма и эллинизма. Иудейская трансцендентность сказывалась в том, что доминирующий в Византии образ Христа — Пантократора — соответствовал больше старозаветным представлениям о трансцендентном Боге — жёстком Судии, а не евангельскому облику Иисуса Христа. Вместе с тем миссия Спасителя виделась во многом сквозь призму эллинистической религиозности: «Что поражает в этом сплаве, так это незначительная роль Нового Завета и исторического Богочеловека Христа. По сути, вся византийская религия могла бы возникнуть без исторического Христа, как Он предстаёт в Евангелиях, — только на одном мифе о небесном спасителе, сходном с эллинистическими мифами об избавителе. Божественный, пресвятой Христос, наряду с Богородицей, Царицей Небесной, является, разумеется, главным объектом византийского культа. И всё же, как ни странно, Его земная жизнь и Его благовестие Царства Божия, и в особенности Его учение, прошли почти незамеченными. Евангелия стали книгой тайн Христовых, источни-

ком богословских построений. Сам Христос есть Слово Бога, но Его собственному Слову уделялось мало внимания — или, точнее, оно было почти скрыто за аллегорической экзегетикой. Из этического учения Иисуса наиболее действенными оставались Его строжайшие заповеди, явно превышающие человеческие возможности, подкреплённые обещанием Страшного Суда... Византийский грек был больше заинтересован в жизни Бога, чем человека, больше погружен в события мира иного, чем земного» (Г.П. Федотов). Русское религиозное восприятие открыто евангельскому благовестию любви Богочеловека. Для него это прежде всего религия любви, а не религия страха: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх...» (1 Ин 4:18). В древнерусской литературе проявляется эта характерная черта русской духовности: «Теплота повествования свидетельствует о глубокой искренности народа, принявшего новую религию и ещё недавно пребывавшего в язычестве. Христианство говорит в произведениях не как заимствованная книжная мудрость; оно исходит не из уст, а из сердца. Преобладание темы милосердия доказывает, что Русь восприняла христианство прежде всего как религию любви, а не как религию закона, подкреплённого угрозами. Закон также не игнорируется, об этом свидетельствует наличие определённой ритуалисти-

ческой тенденции» (Г.П. Федотов). В этом духе разнятся нравственные предписания в Византии и на Руси: «Грехи против ближнего или против милосердия в русских канонах занимают больше места, чем в греческих. Наблюдается более дифференцированный подход и даже некоторая утончённость нравственного чувства в вопросах социального милосердия» (Г.П. Федотов).

Культовая жизнь Византии всецело была воспринята на Руси — её благолепием и красотой прежде всего была пленена русская душа. Через восприятие красоты русская душа стремилась узреть духовные истины в конкретных формах, образы прекрасного более, чем абстрактные идеи, выражали суть христианского благовестия. «В этой священной религии Божество переставало быть трансцендентным. Оно поселилось в храме. Церковь превращалась в «небо на земле», по классическому православному выражению. Божественное становилось доступно через материальное, через таинства и святыни; его можно было не только видеть, но и вдыхать, вкушать, целовать. Это не просто грубый материализм, как полагает большинство протестантов, — за этим предметным поклонением стоит мир высших переживаний: страх, раскаяние, умиление, благодарность, радость, сознание собственной ничтожности и незаслуженности милости Божией. Как и аскетизм, поклонение свя-

ПРОВЕЩЕНИЕ

тыням, выполнение обрядов являются инструментом — хотя и менее совершенным — мистической жизни; они — не сама эта мистическая жизнь, но её искры, которые могут, хотя и вовсе не обязательно, воспламенить светильник личной духовности» (*Г.П. Федотов*).

Своего рода мистический натурализм был свойствен русскому человеку: «С древних христианских времён и до настоящего времени русские искали свой путь к Богу при помощи всех пяти органов чувств; не только через зрение посредством икон или через слух посредством церковного пения, но также через осязание посредством прикосновения (целования) к святыням, через обоняние посредством воскурения ладана и других благовоний и через вкус посредством освящённых хлеба, воды и всякого рода освящённой пищи. Эти характерные черты эллинистическо-византийской традиции были обогащены и получили дальнейшее развитие на Руси, особенно после монгольского нашествия. Сознание божественного присутствия в освящённых чувственных объектах таит отрицательную оборотную сторону, проявляющуюся в обострённом чувстве страха перед осквернением, страхом нечистоты. Отрицательная сторона русского физиологизма в религии отражена в исторических документах и, возможно, в самой церковной жизни» (*Г.П. Федотов*).

Уклад церковной жизни не был самодостаточным, а служил средством духовного просветления и преображения, был путём спасения души. Русская жизнь гораздо больше, чем в Византии, освящалась и преображалась церковностью. «Этика рабства, под личиной христианского смирения, принималась и идеализировалась византийской Церковью. При чтении византийских историков на каждом шагу сталкиваешься с ужасающей жестокостью и вероломством: цареубийства, пытки побеждённых врагов; ослепление и кастрирование даже не отдельных людей, а целых плененных армий. Вероятно, половина византийских императоров взошла на трон с помощью заговоров, а нередко и путём пролития крови своих предшественников, — и это несмотря на священный характер монархии. Разумеется, жестокость встречалась и в западном средневековье, но в Византии она холодна, бесстрашна, причём не встречает никакого морального порицания не только со стороны автора повествования, но и за редкими исключениями — со стороны тогдашней Церкви. Смесь жестокости и вероломства часто считается типично восточной чертой. И всё же, переносясь из Византии в мир ислама, начинаешь дышать более чистым воздухом. Сочетание этих «восточных» черт с

глубокой и искренней набожностью делает византийский культурный пласт совершенно уникальным явлением» (*Г.П. Федотов*). На Руси тоже было немало жестокости и коварства, но не в таких масштабах. Рецидивы языческого беспутства не подлежали молчаливой нравственной легализации и явственно осуждались Церковью. На Руси не имели распространения типичная для Византии «подмена небесной иерархии церковной и претензии гражданской иерархии на место в Царстве Божиим» (*Г.П. Федотов*).

Для византийского общества церковное благолепие и благоговение носили скорее символический характер, христианская аскетика и молитва были уделом отгороженных от мира монастырей. Для русской элиты и простого народа религиозные нормы были подвижными идеалами жизни, монастыри — духовными лечебницами народа. Русское благочестие разделяло византийское представление о том, что мирянин считается по сравнению с монахом христианином второго сорта, но высокая духовность не отделяла монаха от народной жизни, а наделяла его высоким назначением в мире. Поэтому миряне стремились выбрать себе духовных отцов из монашеской среды. Учёное монашество в средневековой Руси было источником просвещения и носителем национального самосознания:

«Все святые отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены, и читаны, и переписываемы, и изучаемы в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов. Исаак Сирийский, глубокомысленнейшее из всех философских писаний, до сих пор ещё находится в списках XII–XIII веков. И эти монастыри были в живом, беспрестанном соприкосновении с народом. Какое просвещение и в нашем подлом классе не вправе мы заключить из этого одного факта! Но это просвещение не блестящее, но глубокое; не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное... Эти обычаи вековые, без писаных кодексов, исходящие из Церкви и крепкие согласием нравов с учением веры; эти святые монастыри, рассадники христианского устройства, духовное сердце России, в которых хранились все условия будущего самобытного просвещения; эти отшельники, из роскошной жизни уходившие в леса, в недоступных ущельях изучавшие писания глубочайших мудрецов христианской Греции и выходившие оттуда учить народ, их понимавший» (*И.В. Куреевский*). Византийское же монашество олицетворяло собой уход не только от мирской жизни, но во многом и от официальной церковной жизни, слишком завязанной на интригах

ПРОВОЩЕНИЕ

столицы и императорского двора. Монахи в Византии не были миссионерами и учителями народа, в то время как в русском монашестве сильно миссионерство и стремление преобразовать жизнь. Отсюда феномен не только духовной, но и хозяйственной колонизации русскими монастырями огромных территорий. Русский человек больше доверялся евангельским идеалам как пути преображения души и жизни. В византийской же религиозности было сильно убеждение, что за пределами высокие христианские идеалы не способны укротить языческие основы жизни. «Отказ от попыток приблизить общество к этим основам наряду с высокой личной — зачастую довольно суеверной, — набожностью налагает на это утончённое общество печать неисправимой лживости. Именно такое общее впечатление вынесли русские, начав общаться со своими византийскими наставниками. «Греки обманщики и по сию пору» — таков приговор древнего русского летописца» (Г.П. Федотов). Молодой христианский народ стремился перенимать у своих учителей достоинства, но не недостатки и пороки.

Духовный космос христианского эллинизма передаётся через церковнославянский язык русскому народу. Славяне восприняли не только смыслы, но и определённое отношение к жизни, к человеку, к при-

роде, выработанное в христианском эллинизме. Воспринимая родственный культурный архетип, народ пробудил новые качества в своём природном генотипе, новые творческие энергии позволили православному народу углубиться в христианское благовестие. Хотя Русь не смогла перенять у Византии всю сокровищницу классической греческой культуры, ментальность русского народа гораздо ближе к эллинской культуре, чем ментальность европейских народов, а русское мировоззрение более соответствует основополагающим христианским истинам.

Непонятная для нынешнего века «немота» русского Средневековья свидетельствовала о сосредоточенности на интенсивной духовной жизни, созидающей национальный дух. «Период «молчания»... был периодом накопления духовных сил, а вовсе не дремоты духовной» (В.В. Зеньковский). Глубинная духовная работа формировала национальный тип, питала энергией историческое выживание и государственное строительство, выразилась в гениальной русской иконописи и храмостроительстве, подготовила взлёт русской культуры в XIX веке и русской философии в XX веке. Когда русский гений заговорил в полный голос на своём языке — начиная с Пушкина, сказанное оказалось непревзойдённым достижением мировой культуры.